

ОСЕНЬ

Как будто из земли взошла
и за ночь выросла неслышно —
один лишь раз она была,
лишь раз такая осень вышла.

Она возникла в пустоте
первоначального творенья
в своей неожиданной красоте,
в своём небесном озаренье.

И старый домик, и крыльцо,
и доски старого причала
она взяла в своё кольцо
и никуда не выпускала.

О, в жар твоих багряных плит,
в подножье роци златокрылой
студёный воздух крепко влит
и остановлен высшей силой!

И в этой строгой тишине
безмолвная стояла школа,
и в книгах открывалась мне
вся правда русского глагола.

Таков он был, хрустальный свет
невозвратимого начала.
И было мне тринадцать лет,
и я о жизни много знала.

И здесь, в теснине под горой,
перед водою студеною
всех лет грядущих длинный строй
вдруг развернулся предо мною.

Звени, звени, моя струна,
гори, свеча, не догорая!
Восходит на небо луна
из дальнего, чужого края.

Но в день творения седьмой
оцепенеют, встанут реки,
и осень встретится с зимой
и растворится в ней навеки.

ГОЛОС КУКУШКИ

В.М.

Как на заре из небесных
песочных часов
свет прибывает и копитя тихо
на дне —
сквозь оплетенье берёз
и провалы лесов
голос кукушки в росистой
сквозит тишине.

Из средоточья ветвей, из глубин
неизведанных тех,
из палестин, где не знают
ни горя, ни зла,
голос кукушки доходит,
не зная помех,
словно природа свой вещий
язык обрела.

Из сердцевины миров,
упорядочив хаос большой,
из средостенья Вселенной,
на чистом дыханье одном
голос кукушки скользит
по равнине земной —
твой золотой, безошибочный
твой метроном.

Из бесконечности в вечность
летит, лишь на миг посетив,
лишь на минуту коснувшись
жизтья твоего,
необъяснимый, бесхитростный
этот мотив —
чистое, лёгкое жизни земной
торжество.

Время и радость, сплетённые
общим жгутом,
лишь по касательной тронут
поверхность Земли
и улетят, растворившись
в пространстве пустом,
в космосе тёмном,
в безжизненной звёздной пыли.

НА СЕВЕР

С.У.

Стеною отвесной, лавиной
прямой
здесь рушится ливень
из пропасти мутной.
Скорее на север! Скорее домой —
в какой-то машине —
случайной, попутной.

Пуškai без дороги, пускай
в никуда —

к стеклу запотелому локтем
прижаться
и видеть, как в лужах вскипает
вода,
как злые воронки в канавах
кружатся.

Вперёд! Из-под чёрного полога
туч,
где грозно встаёт за заставой
застава,
где бурный поток, оборвавшийся
с круч,
тебя конвоирует слева и справа —

пробиться, прорваться, уйти,
убежать!
Я знаю: дорогу нащупают шины,
и пусть не сумеет меня удержать
упругая сеть Среднерусской
равнины.

И времени маятник молча повис,
качнуться не смея к пределу
иному.

Мы мчались на север!
Мы рушились вниз,
но вверх поднимались по шару
земному.

И там, где кончается ливня
межа,
открылись тебе просветлённые
дали.

И в тихих озёрах лежала Тужа,
и редкие капли с берёз упали.

А дальше — в симметрии рельсов
и шпал,
в вечернем тумане, в закате
пугливом

железный Котельнич упрямо
вставал
и медленно плыл над высоким
обрывом.

И ночь восставала.

Но где-нибудь там
расчищено место гнездовью
родному.
По улицам вдоль, по созвездьям
реклам
в последнем рывке доберёмся
до дому.

Мой друг! Мы вернулись
на север — туда,
где сходятся линии жизни
в пространстве,
где тихо Полярная светит звезда
в своём неподвижном,
немом постоянстве.

НОЧНОЙ КОСТЁР

Горел костёр, пылал, не устал,
лизал огонь смолистое полено.
Он то сжимался, то опять
взмывал,
как сердце затаившейся
Вселенной.

И выступали вдруг из темноты
стоящие безмолвно друг
за другом
и стрелчатые травы, и цветы,
таинственным сомкнувшиеся
кругом.

Они смотрели молча и в упор —
родня, пришедшая по зову брата.

И был кузнечиков бессонный хор
за их стеной заботливо упрятан.

А где-то дальше притаился лес —
дремучий лес — берёзовый,

сосновый.

Он тоже высился — и всё окрест
за ярусом вздымало ярус новый.

Ночной костёр! Природы зыбкий
сон!

Она молчит, она не отвечает.
Созвездий и галактик пантеон
её постройки лёгкие венчает.

Один в ночи пульсирует костёр,
как смертное дитя живой
природы.

Но мир огромный широко
простёр
недвижные, незыблемые своды.

И мы с тобою у костра во мгле —
всего лишь лёгкие, сквозные
тени,
как отпечаток древний на скале
давным-давно исчезнувших
растений;

как древние обломки черепков
в пластах земли тяжёлых,
монолитных,
как спрятанные в залежах веков
подобия орудий первобытных.

МОТЫЛЬКИ

И опять стемнеет.

И, как встарь,
осветивший листья и кусты,
загорится матовый фонарь —
одинокий сторож темноты.

И, притянут силой неземной
к средоточью мира своего,
мотыльков ночных безумный рой
закружится около него.

О, нерасторжима эта связь!
Спотыкаясь и в стекло биясь,
к фонарю стремятся мотыльки,
словно жизнь иная прервалась.

А внизу — гитары перебор,
парочки влюблённые стоят.
Но не слышит их крылатый хор,
страстью или ужасом объят.

Жители неведомых планет,
существа, не знающие нас,
бейтесь, бейтесь в одинокий
свет,
будто в первый и последний раз!

Но рассвет, полнеба окропив,
тёмную разгонит синеву.
Крылышки усталые слепив,
мотыльки осыплются в траву.

Маленькие ангелы ночей,
падшие изгнанники небес,
спите под покровами лучей
в отрешённой гордости своей!

ПОСЛЕДНИЙ ДОМ

Есть на горе за рекой,
на косогоре крутом
дом одинокий, пустой,
старый, заброшенный дом.

Гибли деревни вокруг —
кто-то его сохранил,
кто-то отшельником жил,
сколько отпущено сил.

Что же наследник нейдёт
прадеда, деда, отца?
Выбиты створки ворот,
выпали доски крыльца.

Старче, воспрянь в синеве,
врытый по пояс в траве,
не позволяй никому
к сердцу пройти твоему!

По вечерам издали,
глядя лицом на закат,
ты восстаёшь из земли,
пламенем окна горят.

Сторож заросших полей,
витязь родной стороны!
Купы твоих тополей
высятся в небе, вольны.

Там у тебя соловей.
Там у тебя, старина,
белых цветущих ветвей
в мае вскипает волна.

Там, поваливши плетень,
там одичавшие, там
вишня, калина, сирень
тянутся вниз к омутам.

Сгинешь когда-то и ты —
тления не избежать.
Старых смородин кусты
будут то место держать.

Может, и надобно так —
прошлое сбросить навек.
Опустошённый маяк,
косо сечёт тебя снег.

И в непроглядную тьму
мёрзлые ветки впились...

Я не скажу, почему
мы до сих пор не сдались.

ГОСТИНЕЦ

Л.К.

И пока шумел карнавал,
перешедший в полночь пустую,
в этом городе снег упал
на холодную грязь густую.

Словно нищенства устыдясь,
скрыть пытался его повсюду.
В этом городе я родилась,
и уехала я отсюда.

Но заснеженных крыш и плит
робкий мне поднесён гостинец,
и серебряный свет разлит
до утра по углам гостиниц.

По домам деревянным спят,
дремлют жители и народы,
что пришли и уйдут назад,
не нарушив закон природы.

И застыли, висят в снегу
полукружья ветвей и арок.
Я родня вам, но не могу
равноценный сделать подарок.

Ни полслова не проронив,
мы расстанемся завтра утром.
Удаляясь, мелькнёт залив,
просквозив вдали перламутром.

Но и скрывшись за окоём,
ты нечаянно миру явлен:
каждый куст на пути моём
в белоснежный наряд оправлен.

РЕКА

Ведь река — это тоже ручей
у истоков своих, у начала.
Золотым водопадом лучей
её раннее утро встречало.

И была она просто ничья,
и лениво струила течение,
по соседству другого ручья
беспреданное слушая пенье.

Это был несравненный ручей —
и соперник её, и учитель,
он катился быстрее и звончей,
и повсюду он был победитель.

В душных дебрях — то дерева
ствол,
то колода, то пень, то коряга.
Вот ручей повернул и ушёл —
устремился по склону оврага.

Будет, будет ему благодать
и недолгий простор для полёта —
бочажины лесные питать,
упираться в глухие болота

и не знать на коротком веку
под ступенчатым сводом
природы,
что река превратилась в реку
и широко раскинула воды.

Ей — и баржи нести на спине,
и вращать паровые турбины,
вдаль пройти по великой
стране,
открывать города и глубины,
выходить из своих берегов,

видеть счастье народов и горе,
быть преградой живой для
врагов
и в открытое вылиться море.

Ничего не решала борьба,
так уж небо, должно быть,
решило.
Так уж, видно, сложилась
судьба,
так на звёздах начертано было.

Не смущай же ты душу ничью:
неуместны восторг или жалость.
У холодного сна на краю
больше выбора им не осталось.

Только детство, где нету вины
и ни имени нет, ни названья,
где великий покой тишины
и великое счастье незнанья.

БАБЬЕ ЛЕТО

Закат полыхает, но тёмн
восток,
таинственный миг полутьмы,
полусвета.
И солнце уж село, и на землю
лёг
покой равновесного бабьего лета.

Тяжёлые ветви недвижны
в садах,
гурьбой георгины приникли
к забору.
О, всё обратится в унынье
и прах
ещё не сегодня, не завтра —
но скоро.

А нынче, на самом краю
пустоты,
такая наполненность жизни
всевластной,
что в ней без труда различаешь
черты
надмирной долины, чужой
и прекрасной.

Прощальный, утешный подарок
небес —
тебе он всего на мгновенье
дарован.

Смотри же, смотри:
вечереющий лес
приблизился, встал —
и молчит, очарован.

Вечерние тени так мягко легли —

ни ветра, ни стука, ни дальнего
грома.
И низко над нами летят журавли:
уже улетаю, они ещё дома.

Спускайтесь всё ниже!
Ищите ночлег
в тепле, где лощина ещё
не остыла.

Нет, вы не увидите холод
и снег —
от этого родина вас оградила.

Ночуйте! А завтра, набрав
высоту
и в путь отправляясь, вы взором
привета
окинете милую родину — ту,
где доброе солнце и вечное лето.

